

3. Дмитриева, Е.Ф. Повседневность и воспоминания как речевой жанр / Е. Ф. Дмитриева // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. Сер.: Гуманитарные науки. – Барнаул, 2011. – Вып. 8. – С. 53-58.

4. Кормазина, О.П. Воспоминание как жанр разговорной речи: к проблеме типологии / О.П. Кормазина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Спб, 2014. – Т. 1. – № 2. – С. 172-180.

5. Сухотерина, Т.П., Лебедева Н.Б., Воронова, Н.Г., Дмитриева, Е.Ф., Панкрашова, О.С. Жанры естественной письменной речи: Народные мемуары: монография / Т.П. Сухотерина, Н.Б. Лебедева, Н.Г. Воронова, Е.Ф. Дмитриева, О.С. Панкрашова. – Барнаул: АлтГПА, 2012. – 550 с.

Изранова Е.В.

Алтайский государственный педагогический университет, г.Барнаул

Научный руководитель – Габдуллина В.И., доктор филол. наук, профессор

«КРОМЕШНЫЙ МИР» В ПОВЕСТИ В.Я. ШИШКОВА «СТРАННИКИ»

В современном литературоведении наметился процесс реинтерпретации произведений русской литературы 19-20 вв., истолкование которых велось критикой и литературоведением без учета заложенного в них духовного содержания. Нового прочтения с позиций аксиологического подхода требуют произведения В.Я. Шишкова как писателя, опирающегося на классическую традицию русской литературы, тесно связанную с христианским мировидением.

Повесть В.Я. Шишкова «Странники» (1930 г.) пронизана христианской символикой, несмотря на то, что писатель обратился к одной из самых больных тем послереволюционного советского времени – к теме беспризорничества.

В повести автор не раз обращается к духовной средневековой литературе: его герои цитируют псалтирь, поют духовные стихиры. Помимо прямого цитирования В.Я. Шишков использует и традиции древнерусской литературы, в частности, создаваемого ею образа кромешного мира, или антимира в сатирических пародийных произведениях Древней Руси.

Что такое кромешный мир? Исследователь древнерусской культуры Д.С. Лихачев в работе «Смех в Древней Руси» пишет: «Вселенная делится на мир настоящий, организованный, мир культуры – и мир не настоящий, не организованный, отрицательный, мир антикультуры. В первом мире господствуют благополучие и упорядоченность знаковой системы, во втором – нищета, голод, пьянство и полная спутанность всех значений. Люди во втором – босы, наги, либо одеты в берестяные шлемы и лыковую обувь-лапти...не имеют общественного устойчивого положения и вообще какой-либо устойчивости...кабак заменяет им церковь, тюремный двор – монастырь, пьянство – аскетические подвиги, и т.д. Все знаки означают нечто противоположное тому, что они значат в «нормальном» мире» [2, с.13].

Д.С. Лихачев также отмечает, что в Древней Руси обильно в самых широких масштабах создавались пародии на молитвы, псалмы, службы, на монастырские порядки и т.д. В пример можно привести «Службу кабаку», – произведение XVII века, пародирующее церковную службу, пародийную «Калязинскую челобитную» и др.

В повести «Странники» мир, в котором живут беспризорники, изображается как антимир. В сцене похорон беспризорника Спирьки откровенно пародируется похоронный обряд. Серый гранитный памятник с ангелом был украден с соседского кладбища. Покойника несли на досках к могиле – гроба не было. «Впереди покойника шел «самодельный» оркестр из плохонькой гармошки, трех балалаек, гитары, свистулек, рожков и барабана. Все инструменты...краденые... Оркестр плел дикую отсебятину, кто во что горазд. Но это не столь уж важно: музыканты все-таки играли воодушевленно, почти с молитвенным усердием» [4, с.158]. В довершении всего звучит взрыв – изобретение восьмилетнего беспризорника по кличке Инженер Вошкин, который хотел дать залп, «как на

сто процентных похоронах» [4, с.159]. Сам вид Инженера Вошкина пародиен и карнавален: «при медалях, в галунах, в свежеподкрашенных усах и бороде. Мешок с тремя дырами – для головы и рук – был охвачен по талии черным кушаком, на голой до плеча левой руке повязана выше локтя черная тряпка – траур» [4, с.159]. Вскочив на памятник, Инженер Вошкин говорит торжественную речь: «Мы! Молодежь! Советская! Передовая!». Над нелепым сравнением себя с передовой советской молодежью толпа отрепышей хохочет. Кадило священника, у которого не было ни креста, ни ризы, было сделано из консервной банки.

В образе перевернутой баржи, под которой живут беспризорники, в царящем под ее кровом быте, угадывается пародия на монастырь. Баржа, т.е. корабль, а корабль несет в себе символику церкви, не даром перевернута. Под ней – перевернутая вселенная, т.е. кромешный вывернутый на изнанку мир. Ведь если в монастырь приходят те, кто решил отказаться от мира, то под баржу попадают те, от кого отказался мир – беспризорные дети («Топить их, сукиных котов», – предлагает пенсионер Антипов на собрании по вопросу беспризорников [4, с. 189]). И подобно тому, как послушники, поступающие в монастырь, отказываются от своего мирского имени и мирских одежд, получая новое имя и новые одежды, беспризорники под баржей получают прозвище и облачаются в лохмотья: «Филька, разутый и голый, сидел в углу на сене. Карась бросил ему мерзлое отрепье, а сапоги с рубахой забрал» [4, с.106].

Также как в монастыре творится непрерывная молитва, под баржей слышна антимолитва: «Под баржей стояли невероятные гвалт и перебранка. Все говорили повышенными, крикливыми голосами, все отборно ругались, даже малыши» [4, с.107].

Прозвище вожака стаи беспризорных – Схимник (в честь того, что носит он на голове позеленевшую от времени монашескую скуфейку. Как указывает «Православная энциклопедия», схимник, или схимонах, – «монах, принявший великую схиму, иначе – великий ангельский образ. При постриге в великую схиму монах дает обет отречения от мира и всего мирского» [3]. Но Амелька Схимник – далек от ангельского образа, он вор и наркоман.

В каждом монастыре существует своя главная святыня, часто это чудотворная икона с образом Богородицы. Присутствует она и в этом антимоныстре. Это тринадцатилетняя девушка Маша (сниженный вариант имени Мария) и ее новорожденный младенец, отец которого неизвестен. Палатку, где живет Маша с младенцем, автор сравнивает с монастырской кельей [4, с.110].

Прозвище Маши – Майский Цветок – отсылает к иконографическому образу Божьей Матери «Неувядаемый цвет». Изображенная на этой иконе Богородица держит на одной руке своего Божественного сына, а в другой руке – цветок белой лилии, символизирующий непорочность Пречистой девы. Но Маша Майский Цветок – блудница. И глава XI повести, в которой Майский Цветок становится жертвой убийства, носит ироничное заглавие «Майский Цветок отцвел».

Жители мира под баржей заботятся, как могут, о девушке и ее ребенке, приносят дары. Сцена во II главе явно пародирует библейский сюжет «Дары волхвов»: «...на соломе – маленькая женщина; она кормила грудью ребенка.

– Вот тебе, Майский Цветок, сиська резиновая для парнишки, вот сливы, вот пряники. А это вот конь ему» [4, с.108].

Раскрывая черты кромешного мира, Д.С. Лихачев приводит в пример памятник XVII века – «Азбуку о голом и небогатом человеке». Начинается она со слов: «Азь еси нагъ, нагъ и бось, голодень и холоден, съести нечаво, Богъ душу мою ведаеть, что нету у меня ни полушки за душею. Вьедаить весь мир, что взять мнъ негде и купить не на што» [1].

Первая же сцена повести «Странники» начинается с того, что «накатилось на русскую землю неотвратимое бедствие: голод», а один из центральных персонажей повести, беспризорник Филька, описывается: «кожа да кости...и голова шаршавая, нечесаная» [4, с.99].

Портрет второго беспризорника – Амелки – также отсылает к образу обитателя «кромешного мира»: «Спина одежины от самого ворота вся вырвана, болтались лишь длинные полы и заскорузлые рукава в заплатках. Босые ноги покрыты густым слоем давнишней грязи, до кожи не докопаться. На голове – позеленевшая от времени монашеская скуфейка...» [4, с.102]. У беспризорника, который пришел с Амелкой, «отрепье, казалось, состояло из одних прорех, кой-где схваченных заплатами; встопорщенные, невероятно грязные волосы от вшей шевелились на висках», а другой и вовсе «одет был довольно потешно: гологрудый, без рубахи, отрепанные штанишки до колен, руки засунуты в бабью муфту, из которой торчала пакля, на голове – желтый старушечий чепец» [4, с.103]. Под перевернутой баржей, где живут беспризорники – «рваная, вонючая, грязная детвора в лохмотьях» [4, с.105]. На зов к Амелке прибегает «одноглазый, бесштаный мальчонка. Он – в женской рубахе, новой, но замазанной всякой дрянью. По талии – веревка, за веревкой деревянный кинжал, на голове – меховая, белой шленки, рваная папаха» [4, с.105]. В описаниях одежды беспризорников несомненно присутствует хоть и горькая, но ирония. Беспризорники занимаются тем, что воруют, пьянствуют и употребляют наркотики.

Упоминание прорех, бесштанности, обнаженности разных частей тела – то есть наготы – прямая отсылка к изнаночному миру древнерусской сатиры. «Кабацкие “антимолитвы”, – пишет Д.С. Лихачев, – воспевают наготу, нагота изображается как освобождение от забот, от грехов, от суеты мира сего. Это своеобразная святость, идеал равенства, “райское житие”» [2, с. 15]. Недаром несколько раз Амелка говорит, что живут они «роскошно».

Д.С. Лихачев пишет: «Изнаночный мир не теряет связи с настоящим миром. Наизнанку выворачиваются настоящие вещи, понятия, идеи, молитвы, церемонии и т.д.» [2, с.16]. Рисуя кромешный мир в повести о беспризорниках, В.Я. Шишков пытается донести неправильность, нелепость ситуации, когда самое нужное и святое – дети – вдруг оказываются никому не нужными в этом мире. Писатель осуждает послереволюционный мир, который, по его мнению, вывернут наизнанку. Если до революции люди жили с понятиями «Храм не строй, сироту пристрой!», то после революции с ее отрицаниями христианских ценностей сироты оказываются на обочине жизни. Изображая мир беспризорников как «антимир», писатель вскрывает не только социальные, но и духовные корни изображаемого явления.

Библиографический список

1. Азбука о голом и небогатом человеке. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://old-ru.ru/08-56.html>.
2. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, 1984. – 296 с.
3. Православная энциклопедия. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://days.pravoslavie.ru/Life/slovar2430.htm>.
4. Шишков В.Я. Рассказы. Странники. Повесть. – М.: Правда, 1986. – 560 с.

Ким В.А.

Алтайский государственный педагогический университет, г.Барнаул
Научный руководитель – Козубовская Г.П., доктор филол.наук, профессор

ПОЭТИКА ВЗГЛЯДА В «AMORETTI» Э. СПЕНСЕРА [1]

“*Amoretti*” Эдмунда Спенсера [2], безусловно, является одним из ключевых произведений поэта [3].

Спенсер в своих сонетах развивает неоплатоническую концепцию Любви и Красоты [4]. “*Amoretti*” следует рассматривать с точки зрения движения поэта по знаменитой «платонической лестнице», т.е. пути, по которому восходит влюблённый от любви земной к